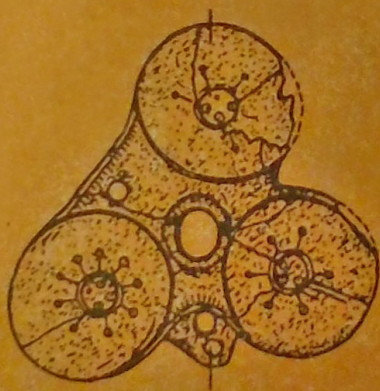


ДРЕВНОСТИ
ВОЛГО-ДОНСКИХ СТЕПЕЙ
В СИСТЕМЕ
ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО
БРОНЗОВОГО ВЕКА



«ПЕРЕМЕНА»

ББК 63.4(2)
Д 853

Научный редактор: А. В. Княшко

Издано при финансовой поддержке Российского
гуманитарного научного фонда.

Древности Волго-Донских степей в системе восточно-
Д 853 **европейского бронзового века: Материалы междунар.**
науч. конф. Волгоград, 15—17 апр. 1996 г. — Волго-
град: Перемена, 1996. — 130 с.
ISBN 5-88234-207-4

В материалах международной конференции «Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века», приуроченной к 60-летию юбилею и 35-летию научной деятельности одного из основателей волгоградской археологии, профессора ВГПУ Владислава Ивановича Мамонтова, рассмотрены вопросы классификации, хронологии культурогенеза, проблемы интерпретации источников и связи археологии с другими науками о природе и человеке.

ISBN 5-88234-207-4

ББК 63.4(2)

© Составление. А. В. Княшко, 1996

Некоторые черты половозрастной организации срубных могильников Донецкого региона

Указанный в заголовке аспект, выходящий за рамки собственно археологического исследования, является одним из наименее изученных в отечественной историографии, посвященной срубной культуре. В значительной степени это обусловлено характером имеющихся в распоряжении специалистов источников. Как известно, привлечение погребальных памятников для решения вопросов, связанных с палеодемографией и социальными реконструкциями эпохи бронзы, предполагает обязательное использование антропологических определений пола и возраста. А это важное условие, без которого какие-либо выводы представляются по меньшей мере несерьезными, наталкивается на существенные трудности, выражающиеся в том, что значительная, если не подавляющая, часть исследованных на сегодняшний день погребальных памятников бронзового века степной и лесостепной зон Восточной Европы антропологически не изучалась. Поэтому имеющиеся в распоряжении археологов материалы по половозрастным определениям, как правило, весьма незначительны и выборочны.

В этой связи представляется важным привлечение для социодемографических реконструкций значительных массивов источников, подкрепленных антропологическими определениями. Методология и методика подобных исследований достаточно полно обоснованы и апробированы в литературе (Генинг, Борзунов, 1975; Бунятян, 1982; Пустовалов, Черных, 1982; Рычков, 1982; Добролюбский, 1982; Кислый, 1985, и др.). Вместе с тем необходимо проведение такой работы предварительно по отдельно взятым регионам или вариантам культур (общностей), в данном случае срубной. Дело в том, что их локальное своеобразие, проявляющееся в первую очередь в материальной культуре, нередко сопровождается некоторыми отличиями в погребальном обряде, что могло быть связано с определенными причинами социального порядка.

Использованный в работе исходный материал представлен 1500 погребениями срубной культуры из могильников Северского Донца и Донецкого Приазовья. По обряду ингумации

совершено 1392 захоронения, из остальных — 29 кремации, 27 — достоверно кенотафы и в 52 костяки не зафиксированы. Половозрастные определения имеются для 299 погребений (21,5% ингумированных). Из них отнесены к мужским 104 (35%), женским — 77 (25,5%), взрослым — 33 (11%), подростковым — 11 (4%), детским — 74 (24,5%).

Корреляция половозрастных определений с категориями погребального обряда и инвентаря позволила выделить характерные признаки детских и взрослых захоронений, а среди последних — мужских и женских. Причем признаки эти носят как чистый, так и частный по тенденции характер. К числу чистых отнесены следующие признаки:

— *для мужских* — перекрытие могилы шкурой животного, наличие деревянного блюда или чаши, бронзового ножа, шила, иглы, костяного гребня, жезла любого типа, особого набора посуды из трех сосудов (острореберного, крупного горшка или банки и маленькой баночки-чашки);

— *для женских* — наличие украшений в виде бронзовых браслетов, колец, височных подвесок, сурьмяных и пастовых бус.

В числе частных признаков по тенденции назовем следующие:

— *для детских и взрослых* — размеры погребального вооружения;

— *для мужских* — основное положение в кургане, могильное сооружение в виде сруба или цисты, напутственная мясная пища;

— *для детских и подростковых* — наличие астрагалов.

Правильность сделанных наблюдений подтверждается взаимной корреляцией выделенных признаков, обнаруживающих высокую взаимосочетаемость. Кроме того, корреляция позволила отнести к числу если не чистых, то, по крайней мере, частных мужских признаков, — кремации и кенотафы.

Нетрудно заметить, что большая часть мужских признаков носит повышенный социально значимый характер. Возможно, что выделенные женские признаки также отражают повышенный статус умерших, поскольку фактически встречаются в погребениях Донетчины очень редко. Несмотря на определенные положительные результаты, приходится констатировать, что основная масса «рядовых» захоронений срубной культуры

остается в половозрастном отношении неразделенной. В этом случае наиболее надежным критерием отнесения захоронений к взрослым или детским будет оставаться размер погребального сооружения, который, однако, имеет известные пределы «разрешающей способности».

Используя полученные данные, мы попытались проанализировать имеющиеся в нашем распоряжении материалы срубных могильников Донетчины с точки зрения их половозрастной организации. Заметим, что эта задача применительно к памятникам Донетчины по сравнению, например, с лесостепным Средним Поволжьем и Приуральем затруднена тем, что для степной зоны вообще характерны курганы со сложной стратиграфией и планиграфией, обусловленными широкой многовековой практикой совершения впускных захоронений и досыпок над ними. Поэтому в таких курганах нередко представлены несколько горизонтов не только разнотипных, но и однокультурных погребений, в том числе срубных. Это значительно усложняет картину восприятия и анализа исследуемых памятников и требует проведения предварительной работы, связанной со своеобразной культурно-хронологической «чисткой» источников.

Наиболее яркой чертой в организации срубных могильников Донетчины является тенденция обособленного захоронения детей от взрослых, проявляющаяся в нескольких вариантах и уже отмечавшаяся в литературе (Антоненко, 1987; Посредников, Зарайская, 1993). Выразительнее всего она представлена в так называемых «детских» курганах. Такой детский могильник мог формироваться в несколько этапов, фиксируемых стратиграфически, — группа основных и группа (или несколько последовательных групп) впускных захоронений. При этом возрастная исключительность кургана не нарушалась.

Вместе с тем встречаются курганы, в которых, наряду с большинством детских захоронений, встречаются отдельные погребения взрослых, во многих случаях женщин. Характерно, что под некоторыми насыпями наблюдается планиграфическое размежевание детских и женских могил — по секторам или рядам, в зависимости от планировки.

В курганах Донетчины достаточно определенно фиксируется приуроченность детских захоронений к единственному в кургане погребению взрослого мужчины. Довольно часто это

погребение отличается повышенным социальным статусом. Группа детских могил в таком случае могла быть стратиграфически одновременной могиле взрослого или быть впущенной в возведенный над последней небольшой первичный курган.

Как правило, в могильниках, где находились «детские» и «детско-женские» курганы, имелись насыпи для захоронения только взрослых людей. Именно в них сосредоточена основная часть мужских и женских погребений, а детские встречаются в виде исключения. Кроме этого, в подобных некрополях выделяются единичные курганы, насыпанные над одиночными мужскими захоронениями, отличающимися высоким социальным статусом. Таким образом, могильник определенной группы населения, как правило, состоял из нескольких курганов, среди которых выделялись для раздельного захоронения детей (или детей с женщинами), взрослых (мужчин и женщин) и мужчин-предводителей (?).

Несколько менее выразительный вариант сепаратного захоронения детей и взрослых наблюдается в курганах, содержащих все половозрастные группы умерших. В них погребения детей нередко занимают обособленное место на подкурганной площадке, образуя своеобразный «детский» участок на общем кладбище (отдельный ряд или сектор).

Некоторые из отмеченных для курганных могильников особенностей прослеживаются и в грунтовых. Часть из таких бескурганных могильников представляет почти полностью детские некрополи (Горбов, Усачук, 1993; Привалова, 1988). Подобное преобладание детских захоронений в ряде курганных и бескурганных могильников срубной культуры можно было бы просто связывать с палеодемографической ситуацией, отражающей очень высокий уровень детской смертности. Однако общая по региону статистика демонстрирует вполне обычный для культур степной бронзы показатель (Рычков, 1982) — 24%. Очевидно, наличие детских могильников в срубной культуре Донетчины находится в контексте с практикой раздельного захоронения детей и взрослых, фиксируемой в других регионах срубной общности и ряде культур бронзового века евразийской степи-лесостепи и уходящей своими корнями в эпоху мезолита-неолита (Хлобыстина, 1975).

Отмеченное выше соседство детских захоронений с женскими, например в алакульских памятниках, интерпретируется

как возможное существование в коллективах матрилинейного счета родства (Хлобыстина, 1975). Для срубного общества подобное допущение вряд ли приемлемо, поскольку в срубных могильниках четко фиксируется доминирующее положение мужчины, сочетающееся с практикой сопровождения мужских захоронений детскими, что наводит на мысль о патрилинейной филиации. В таком случае существование детско-женских могильников требует поиска иных объяснений.

А. Н. Усачун
(Донецк)

К вопросу о тупиках — орудиях кожевенного производства на поселениях позднего бронзового века

В Донбассе исследовано большое количество поселений срубной культуры. Выделяется район Северского Донца (Бровендер, 1995), где работы ведутся с 50-х годов, а в 80-х раскопаны такие крупные поселения, как Ильичевка (Шаловалов, 1976, 1983) и Усово озеро (Березанская, 1990). Меньшие по масштабу раскопки проведены на более чем 20 памятниках (Рубцы, Красный Лиман, Зливки, Капитаново 1 и 2, Новоселовка I, Маяки, Диброва, Глубокое озеро, Желтое, Старый Караван и др.). К северу от Северского Донца районы Донбасса (Луганская обл.) исследованы слабее, однако и здесь раскопано несколько срубных поселений (Степановка, Александровск, Лиман, Проказино). К северо-востоку от районов среднего течения Донца в 70-е годы исследовано поселение Провалье (Дубовская, 1978).

В Центральном Донбассе раскопками слегка затронуты некоторые срубные поселения (Богдановская Балка, Веровка II).

В Северо-Восточном Приазовье первые небольшие работы на срубном поселении проведены в конце 20-х годов П. М. Пиневичем на западной окраине Мариуполя. В 60-х годах О. Г. Шапошникова исследовала раннесрубный слой на поселении Радольное. Позднее были раскопаны срубные памятники Николаевка, Макрихая, Лидино (Горбов, Привалова, 1989).